

СОЦІОЛОГІЯ В СИТУАЦІЇ СОЦІАЛЬНИХ НЕВИЗНАЧЕНОСТЕЙ

УДК 316. 42

РАЗВИТИЕ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ ЕВРОПЫ И ЕВРАЗИИ

Шкаратан Овсей Ирмович - доктор исторических наук, ординарный профессор ГУ-ВШЭ, главный редактор журнала "Мир России", заведующий Лабораторией сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ ГУ-ВШЭ, заслуженный деятель наук РФ

В статье анализируются формы моно- и мультилинейного развития общества, представленные в работах таких социальных исследователей как Т. Парсонс, И. Валлерстайн, Ф. Фукуяма, Н.Я.Данилевский, О.Шпенглер, А.Дж.Тойнби, Л.Н.Гумилев, С.Хантингтон, Гж.Колодко, Л.С.Васильев, Ю.И.Семенов, М. Музилис, Б.Витрок, и др. Подчеркивается, что разнообразие линий общественного развития основывается на различиях двух доминирующих типов цивилизации – "европейского" и "азиатского". В контексте этих цивилизационных различий рассматриваются модели экономического развития постсоциалистических стран; при этом особое внимание уделяется российскому вектору посткоммунистических трансформаций, в основу анализа которого, по мнению автора, может быть положена теория евразийства Л. Гумилева, Н Савицкого, Н.Трубецкого и других ученых.

Ключевые слова: монолинейность и мультилинейность общественного развития, типы цивилизаций, множественность форм модернизации, модели экономического развития постсоциалистических стран, неэтакратизм, "либеральный раздаток".

У статті аналізуються форми моно-і мультилінійного розвитку суспільства, представлені в роботах таких соціальних дослідників як Т.Парсонс, І.Валлерстайн, Ф. Фукуяма, Н. Я. Данилевський, О. Шпенглер, А.Дж.Тойнбі, Л. Н. Гумільов, С. Хантінгтон, Гж.Колодко, Л. С. Васильєв, Ю. І. Семенов, М. Музіліс, Б.Вітрок, та ін. Підкреслюється, що різноманітність ліній суспільного розвитку ґрунтується на відмінності двох домінуючих типів цивілізації - "європейського" і "азійського". У контексті цих цивілізаційних відмінностей розглядаються моделі економічного розвитку постсоціалістичних країн, при цьому особлива увага приділяється російському вектору посткомуністичних трансформацій, в основу аналізу якого, на думку автора, може бути покладена теорія евразійства Л. Гумільова, Н Савицького, Н.Трубецького та інших вчених.

Ключові слова: монолінійність і мультилінійність суспільного розвитку, типи цивілізацій, множинність форм модернізації, моделі економічного розвитку постсоціалістичних країн, неетакратизм, "ліберальний раздаток".

Forms of mono-and multilinear development of society presented in the works of such social scientists as T. Parsons, I. Wallerstein, F. Fukuyama, N. Danilevsky, O. Spengler, A.Dzh.Toynbi, L.N. Gumilev, S. Huntington, Gzh.Kolodko, L.S. Vasil'ev, Yu.I. Semenov, M. Muzilis, B. Vitrok, and others are analyzed in the article. It is emphasized that a variety of lines of social development is based on the differences between the two dominant types of civilization - the "European" and "Asian". The models of economic development of post-socialist countries are considered in the context of civilizational differences, with the particular emphasis on the vector of Russia's post-communist transformations in the base of analysis of which, according to the author, the theory of Eurasian by L. Gumilev, N. Savitzky, N. Trubetskoy and other scientists might be placed.

Key words: monolinerity and multilinearity of social development, types of civilizations, multiplicity of forms of modernization, economic development models of post-socialist countries, neo-etacratism, "liberal razdatok"

Моно- или мультилинейность развития современного мира. Монолинейность и мультилинейность - два основных концептуальных подхода к оцениванию процессов в современном мире. И на марксистское, и на либеральное отрицание мультилинейности развития конкретных обществ решающее влияние оказала гегелевская схема "ступенчатого" развития истории к единому для всего человечества идеалу. Определяющей для марксистского миропонимания была идея линейно-стадиального развития человечества в соответствии с универсальной схемой смены социально-экономических формаций, или типов (=стадий) социально-экономических отношений как фундамента любого конкретно-исторического общества. Свообразным развитием универсальной марксистской схемы является миросистемный анализ неомарксиста И.Валлерстайна. Правда, знакомство Маркса с историей стран Востока и России привело его к сомнениям относительно

универсальности европейской схемы смены формаций (первобытный коммунизм – рабовладение – феодализм – капитализм – коммунизм).

Ничем в этом отношении не отличается и либерализм. Он также признает безальтернативность пути развития — от традиционного общества — к частнособственническому, буржуазному, или (по Ф. Фукуяме) — от родоплеменного к рабовладельческому, от последнего — к теократическому, и, наконец, — к венцу исторического пути человечества — к демократически-эгалитарному. Обоснованием этого подхода (монолинейности развития человечества) в либерализме служит ныне классическая теория модернизации (У.Ростоу, Т.Парсонс). Либеральный унитаризм предполагает мир как иерархическую систему, где страны мира делятся на "эшелоны" как ушедшие вперед, так и следующие в фарватере, стремящиеся догнать находящихся впереди.

Наряду с унитаристским подходом, в соответствии с которым процессы развития отдельных социально-исторических организмов (в современном мире обществ – государств) образуют единый процесс истории человечества, существует и мультилинейный (плюралистский). Суть его заключается в том, что человечество представляет собой совокупность относительно автономных образований, каждое из которых имеет свою собственную историю, свои этапы становления, развития и увядания. На смену погибшим историческим организмам и цивилизациям приходят новые, совершающие свой собственный цикл развития.

Одним из первых сторонников плюралистического подхода был выдающийся русский ученый Н.Я.Данилевский, автор знаменитой книги "Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому (1869г.) [1]. Именно Данилевскому принадлежит мысль о том, что среди факторов, обуславливающих мультилинейность исторического процесса и многообразие форм развития общества, особая роль принадлежит тому или иному типу цивилизации. Последние обладают как универсальными, так и специфическими целями и критериями успешности воспроизводства своей жизнедеятельности.

Кстати говоря, такой подход, судя по публикациям современных китаистов, был органически присущ китайским интеллектуалам, развивавшим его одновременно с Данилевским и независимо от него. Поиск собственной "самобытной" национальной модели развития еще во второй половине XIX в. привел определенную часть китайских мыслителей и политиков к идее необходимости сочетания заимствований западной техники, методов производственного управления и т.д. с сохранением ядра национальной культуры. Значительно позднее в оригинальном китайском учении, основанном на возрождении конфуцианских норм, нашли воплощение существенные черты модернизирующихся восточных цивилизаций, создав пространство для национальных концепций развития. Китайская цивилизация в итоге восстановила традиционный принцип регулирования общественной жизни - не через авторитет силы, а через силу авторитета. Такая идентичность позволила Китаю отстоять свою независимость, решив стоявшие с середины XIX века задачи. [2, с. 321-322 и др.]

Уже в XX веке получили широкую известность построения таких сторонников исторического плюрализма как О.Шпенглер [3], А.Дж.Гойнби [4, 5], Л.Н.Гумилев [6], С.Хантингтон [7], Гж.Колодко [8] и другие.

Следует принять во внимание, что институциональные и ценностно-нормативные системы, задающие саморазвитие социальным организмам, свойством универсальности не обладают. А, соответственно, и базирующиеся на них цивилизации, и охватываемые последними нации – государства мультилинейны в своем развитии [9]. В то же время признание специфического развития стран разной цивилизационной принадлежности не означает отрицания универсальности технологий жизни в самом широком смысле этого понятия.

Существующее ныне в мире разнообразие линий общественного развития в конечном итоге основывается на различиях двух доминирующих типов цивилизации, которые условно можно именовать "европейским" и "азиатским". Первый идет от античного полиса, это цепочка обществ, которые характеризуются частной собственностью, балансом отношений "гражданское общество - государственные институты", развитой личностью и приоритетом ценностей индивидуализма. Второй тип исторически связан с азиатскими деспотиями, доминированием государственной собственности, всевластием государственных институциональных структур при отсутствии гражданского общества, с подданством, приоритетом общинных ценностей при подавлении индивидуальности. отношения. В мировой истории в общем-то и пространственно, и во времени преобладал этот тип цивилизации. Именно в части тех стран, где исторически доминировала эта вторая, не европейская линия развития, в середине XX века установился этакратизм.

Я опираюсь на объяснительную концепцию базовых институциональных структур, отличающих восточные цивилизации от западных (отношения "власть-собственность"), которую развил видный российский востоковед Л.С.Васильев в своих работах 1960-1990 гг. [10]. Л.С.Васильев отмечает, что речь идет о

социально-экономическом строе, при котором типичная восточная община определяет макроструктуру государства. Основа восточной структуры – полное поглощение личности коллективом. Отдельный человек не становится собственником, он может быть лишь владельцем. Суть взаимоотношений между властью и собственностью сводилась к тому, что все государственное первично, а частное вторично, к тому же опосредовано тем же государством. Верховным собственником, прежде всего земли, и высшей абсолютной властью над подданными является государство, которое становится деспотией, а подданные оказываются в состоянии поголовного рабства. [10, с.486 и др.]

В течение тысячелетий эта система самовоспроизводилась при смене династий, доминирующих языков и даже при смене социоисторических организмов на огромных пространствах Земли и охватывала большую часть человечества (ибо данный тип социетальной системы, меняя феноменологические черты, самостоятельно, без внешнего воздействия не способен к структурному переустройству принадлежащих к нему социальных организмов).

Хотелось бы сразу подчеркнуть, что нет надобности возводить непреодолимые преграды между монолинейным и плюралистическим подходами. И мы не можем при таком подходе игнорировать опыт предыдущих столетий, закрепленный во вполне проверяемых источниках. Этот опыт демонстрирует совершенно разные исторические варианты развития не только исчезнувших, но и ныне существующих социально-исторических организмов. Одни из них перешли в свое время от первобытности к феодализму, затем к капитализму; другие - от первобытности перешли к азиатскому способу производства, а от него – к зрелым формам капитализма (постиндустриализму); третьи "застряли" во внерыночной фазе развития, адаптировав этот тип экономики к условиям глобальной мировой системы. Мы можем рассуждать лишь в пределах определенного исторического горизонта, измеряемого жизнью нескольких ближайших поколений.

Следует отметить, что наряду с представленными двумя доминирующими концепциями (моно- и мультилинейности) была предпринята попытка создать своеобразный гибрид линейно-стадиальной интерпретации истории и концепции многолинейной эволюции. В таком понимании исторического развития одни социально-экономические системы могут быть представлены в одних социоисторических организмах, а другие в совершенно иных социоисторических организмах. Это предполагает возможность передачи "исторической эстафеты" от одних систем социоисторических организмов к другим системам. Автор этой идеи глобально-стадиального понимания исторического процесса Ю.И.Семенов полагает, что его подход позволяет совместить "идеи единства человечества и поступательного характера его истории с фактами, свидетельствующими о разделении человечества на обособленные образования, которые возникают, расцветают и погибают". [11, с.233-234]

С конца 1990-х гг. в западной литературе сравнительно широкое распространение получают теории неевропейского модерна, множественности форм модернизации, все чаще наблюдается отказ от смешения модернизации с вестернизацией, проводятся масштабные сравнительные исследования цивилизаций. Эти идеи приобрели особую поддержку в развивающихся странах, где авторы акцентируют внимание на ограниченности существующих социальных теорий, неприменимых для анализа незападных форм современного общества.

Такую же позицию занял британский социолог М. Музилис. Он констатировал, что в социологической литературе концепции модерна и модернизации подвергаются критике за их подчеркнутую европоцентристскую сущность. Это относится и парсонсовскому неэволюционизму и его применению к изучению развития третьего мира, и к работам Энтони Гидденса или Стюарта Холла, ибо все они провозглашают доминирующую тенденцию рассматривать траектории развития неевропейского мира как имитацию специфической западной модели развития. При этом они оценивают капитализм как определяющий компонент модерна. Однако западная модернизация была исторически первой, но теперь она далеко не единственная в мире. Более того, Музилис не исключает, что в недалеком будущем "полуавторитарный азиатский капитализм может получить преобладание над своим более либеральным англосаксонским конкурентом". [12, p.153; 13, с. 31-44]

Среди сторонников концепции множественности форм модернизации и модерна преобладает точка зрения, суммированная шведским автором Б.Витроком: "Для ученых, близких к этой или аналогичным позициям, естественно говорить относительно множественности форм модернизации. Безусловно, ряд технологических, экономических и политических институтов, зародившихся в условиях Западной Европы, постепенно распространяется по земному шару, по крайней мере в виде идеалов, но иногда и в качестве реально действующих установлений. Однако такие процессы диффузии и адаптации отнюдь не означают, что глубокие культурные и космологические различия, скажем, между Западной Европой, с одной стороны, и Китаем и Японией – с другой, близки к исчезновению. Это только означает, что эти особые культурные единицы должны приспособиться к набору получивших всемирное распространение идей и практик и ссылаться на них. Что же

касается ключевых идентичностей, то в данном отношении указанные общества продолжают сохранять те формы, которые были приобретены ими на гораздо более ранних этапах культурной кристаллизации, относятся ли данные периоды к древней эпохе или к десятому – тринадцатому векам. Эти ключевые идентичности, разумеется, всегда находятся в состоянии саморазвития и по-прежнему лежат в основе глубоких космологических и социетальных оснований их цивилизаций. И было бы излишне наивным полагать, что они внезапно исчезнут". [14, p.54-56].

В мировой практике на протяжении второй половины XX в. наибольшую известность получили две целостные и достаточно контрастные модели экономического развития — американская и японская, — каждая из которых четко строится на альтернативных системах ценностей. В одном случае — достиженительно-индивидуалистической, в другом случае — достиженительно-коллективистской. Мировое значение японских преобразований в том, что у них старые ценности явились источником институтов современности. Всем наблюдателям совершенно очевидно, что и китайцы совершают свое экономическое чудо с опорой на традиции своей древней цивилизации, строящейся на принципиально иных основах, чем цивилизация США и Европы. Это — не индивидуалистическая, а коллективистская цивилизация, также как и японская.

Из приведенных примеров следует один и тот же вывод — о разнообразии моделей современной экономики, включая хорошо изученное разнообразие типов капитализма (англосаксонский, рейнский, конфуцианский и т.д.), и социально-политической организации общества в разных странах мира, о полилинейности экономического и социального развития стран, принадлежащих к различным цивилизационным ареалам.

Именно в контексте успешного экономического развития восточноазиатских стран, Индии и ряда южноамериканских государств, прежде всего, Бразилии, стала очевидной возможность незападных стран с высокой духовной культурой использовать и развивать достижения западного мира в производстве и торговле, не жертвуя своими базовыми ценностями, традиционной культурой. В результате происходят изменения и в характере глобализации, возрастает возможность выйти из "ловушки" иерархического моноцентрического глобализационного процесса, навязанного человечеству транснациональными корпорациями, представляющими интересы элит ядра мир-системы, определявших перелив мощи и богатства с Востока на Запад и экономическое развитие народов Земли на протяжении последних пяти веков. Происходящие перемены в мироустройстве напрямую связаны с междивизиационными взаимодействиями и переструктурированием самих цивилизаций.

С точки зрения мультилинейного подхода, в современном мире сосуществуют несколько основных цивилизаций, качественно различающихся по институциональным и ценностно-нормативным характеристикам. Эти цивилизации сопряжены с доминирующими религиозными системами. Применительно к Центрально-Европейскому и Евразийскому ареалам (посткоммунистические страны, находящиеся в состоянии трансформации) — это католицизм, протестантство, православие, мусульманство. Складывающаяся в этой связи нынешняя социально-экономическая и социально-политическая ситуация в странах этих ареалов существенно различна в целом ряде отношений. Расхождение в характере развития, результативности проведенных либеральных реформ в странах ЦВЕ и Балтии, с одной стороны, и в большей части бывших советских республик, с другой, во многом обусловлено глубинными цивилизационными межстрановыми различиями. Соответственно, эти цивилизационные особенности должны быть обстоятельно изучены.

Системы цивилизаций и модели экономического развития постсоциалистических стран. Система псевдосоциалистических стран имела свое ядро, полупериферию и периферию. Ядро — это доминирование "чистых форм" этакратизма — стейтизма. Периферия — резкое ослабление черт этакратизма, сохранение в той или иной степени присущих Европе экономических институтов, социальных ценностей и норм. К ядру мы относим большую часть республик бывшего СССР (без Балтии и Украины); к полупериферии — Болгарию, Румынию, Сербию, Украину и т.д.; к периферии — Польшу, Венгрию, Чехию, Словению, Литву, Латвию, Эстонию и т.д.

Сам географический охват "социализмом" совпадал: а) с регионом вторичного закрепощения крестьянства на западе этого ареала (Пруссия, Польша, Венгрия и т.д.) и б) с регионом длительного господства государственного (азиатского) способа производства в евразийской (восточной) части этого ареала. В последнем столетиями отсутствовали как значимые частнособственнические отношения и доминировали отношения "власть — собственность". В этих обществах не было классов, гражданских отношений, правового государства и т.д.

Странам Центральной и Восточной Европы (первый ареал) этакратизм был навязан со стороны СССР. При этом особое сопротивление новой системе оказали народы тех стран, которые обладали большим опытом рыночной экономики, гражданского общества, правового государства. Они на протяжении примерно 45-летнего периода советско-российского доминирования не случайно так и остались ненадежной периферией "реального социализма". Все они принадлежали к католической и протестантской христианским культурам. В то же время

этакратизм вполне добровольно и самостоятельно произрастал в государствах, не знавших зрелых буржуазных отношений, шедших другим историческим путем, чем Европа, – в России и Китае, Вьетнаме и Монголии.

Современная социетальная система, сложившаяся в странах ЦВЕ и Балтии – результат единой восточноевропейской антикоммунистической революции 1989 – 1991 гг., носившей, по определению В.И.Ильина, системный характер. Эти революции были движимы идеями догоняющей модернизации. [15, с. 262-266] Через сравнительно короткий промежуток времени стали очевидными позитивные результаты в становлении рыночной экономики и либеральной демократии у таких стран как Чехия, Словения, Польша, Венгрия, Словакия. Все эти страны могут быть охарактеризованы как носители европейской культурной традиции, западного христианства, многовековой традиции частной собственности и определенного опыта гражданских отношений и правовой государственности.

Развитие же России и ряда других государств бывшего СССР пошло по другому пути. Мы придерживаемся следующего концептуального видения развития России. Современное российское общество относится к особой цивилизации (евразийской), которая существенно отличается от европейской (атлантической) по институциональной структуре и ценностно-нормативной системе. Таким образом, в социальном пространстве Европы сосуществуют, по меньшей мере, две самостоятельных цивилизации, другими словами, две существенно различающихся Европы.

Исторические корни современного российского порядка уходят в многовековую историю страны – носительницы евроазиатской православной цивилизации, не знавшей устойчивых институтов частной собственности, рынка, правового государства, гражданского общества. [16; 17, 18, 19].

Очевидно, что в этом специфическом социально-экономическом порядке, каковым является неозакратизм, и социальное неравенство, и весь строй социально-групповых отношений, и стратификационная иерархия должны носить специфический характер. Несмотря на взаимодействие с другими системами, столетиями внутри крайне устойчивого этакратического порядка в трансформированном виде воспроизводилась сословная иерархия. Эта иерархия была четко охарактеризована известным русским историком В. Ключевским. [20] В сословной системе группы различаются юридическими правами, которые, в свою очередь, жестко связаны с их обязанностями и находятся в прямой зависимости от этих обязанностей. Они же являются основой дифференциации. Причем, под обязанностями имеются в виду обязательства перед государством, закрепленные в законодательном порядке. Принадлежность к сословию передается по наследству, но не строго, что способствует относительной открытости данной системы.

По мнению П.Н.Миллюкова, аграрная революция начала XX в., сняв тонкий налет европейского гражданского права, вернула ситуацию к историческим архетипам служилого государства со свойственным для него огосударствлением земельного ресурса, полным растворением частного права в публичном. На этой основе стало возможным фактическое восстановление квазисословной системы, закрепощение сословий государством, формирование особого служилого слоя (номенклатуры) в СССР. Тот же Миллюков отметил поразительный факт: русская история XX века ближе к истории XVIII в., чем XIX в. То-есть реализовалась возможность воспроизводства в будущем (в нашем случае советском) параметров социальных отношений, имевших место в прошлом [21, С.75].

Внутри евразийской цивилизации и на ее основе после октябрьского переворота 1917 г. сформировалась и развивалась этакратическая социетальная система (=советская квазисоциалистическая), которая стала параллельной ветвью капиталистической индустриально-экономической системы, но с ее собственными законами функционирования и развития. Эта система ориентирована "на максимизацию власти, т.е. на рост военной и идеологической способности политического аппарата навязать свои цели большему количеству подданных на более глубоких уровнях их сознания" При этом контроль над экономическим излишком является внешним по отношению к экономической сфере, поскольку он находится в руках обладателей власти в государстве. [22, р. 16].

В посткоммунистический период, когда в странах Центральной и Восточной Европы этот порядок полностью или по большей части ушел в прошлое, в России он изменился, трансформировался, но сохранился как неозакратизм. После распада СССР, в отличие от стран Восточной Европы и Балтии, в России не произошел коренной поворот в сторону конкурентной частнособственнической экономики, демократии и гражданского общества. В социально-экономической жизни современной России сосуществуют и взаимодействуют два разнородных типа социально-экономических отношений: при доминировании не сошедшего со сцены этакратизма как бы на вторых ролях функционирует частнособственническая экономика с интенцией к формированию свободно-рыночного хозяйства. В современной России принцип "частности" действует в основном в сфере присвоения, которое отнюдь не лимитировано производством. Через присвоение

приватизаторы, как правило, овладели ресурсами, в создании которых они не принимали никакого или почти никакого участия: имущество, накопленное трудом многих поколений, природные ресурсы, бюджетные средства. Ничего удивительного в том, что российским олигархам практически невозможно защитить свою собственность от государственного деспотизма, поскольку, в принципе, эта собственность была и осталась ничьей, как в советское время. Абсолютный контроль над подавляющей частью национального богатства сосредоточен в руках государственных чиновников и менеджеров государственных и частично частных корпораций. [23]

Существенным восполнением к изложенным позициям является институциональная теория хозяйственного развития России новосибирского экономиста и социолога О.Э.Бессоновой. Центральным для ее концепции является предположение, что наряду с рыночными экономическими системами в мире существуют отличные от них, но столь же жизнеспособные и имеющие собственные законы развития раздаточные экономики. В ней прослеживается влияние выдающегося институционалиста Карла Поланьи (в частности, его концепции отношений редистрибуции) и отечественных авторов по проблемам азиатского способа производства.

Экономика России имеет природу раздаточной системы на протяжении всей своей истории с IX по XX век. В результате всех событий постсоветских лет в стране формируется институциональная основа "либерального раздатка", т.е. такой системы экономических отношений, в которой институциональное ядро раздаточной экономики воплощается в либерально-экономические формы. К этим формам относятся договорная модель управления, бюджетное регулирование, хозяйственная независимость основных экономических объектов ограниченно встроенного института рыночной торговли и частного предпринимательства [24].

Не менее определен в своих суждениях политолог В.Б.Пастухов, он утверждает, что распад коммунистической системы означает начало новой фазы эволюции специфической евразийской цивилизации. "...Россия следует своей исторической дорогой, а Запад – своей, пусть даже эти дороги периодически повторяют одни и те же изгибы... Адекватно описать ход русской истории можно скорее в рамках концепции "параллельного", чем "догоняющего" развития". [25, с.7-8]

Продолжая эту же линию анализа развития России как иной, незападной цивилизации, социолог С.Г.Кордонский, противостоя доминирующей традиции, применил для описания имперского, советского и современного российского обществ сословное представление о социальной стратификации и показал, что "сословия – а не классы – в России были, есть и в предвидимом будущем останутся основными элементами актуальной социальной структуры". В имперской России были одни сословия, в СССР – другие, в постсоветской России сейчас формируются третьи. [26]

В среде западных интеллектуалов все чаще высказываются и обосновываются идеи не просто "неевропейскости" России (эти мысли посещали ученых Запада с неизменным постоянством и в давние века, и с завидной регулярностью с XIX века), но ее непринадлежностью и к Азии. То есть Россия стала признаваться самостоятельной цивилизацией/культурой, возникшей на границе с европейской, но сохранившей свою идентичность. и устоявшей в схватке с Европой.[27].

Попутно заметим, что вполне надежные данные крупномасштабных исследований человеческих ценностей, обобщенные в работах Ю.В. и Н.В.Латовых (включая их собственные опросы), показали, что оценки ряда авторов, включая группу В.А.Ядова, согласно которым российская ментальность является западной, как и свидетельства Г.Хофстеда и Д.Боллингера о "восточном характере" российской ментальности не вполне корректны. "Истина в буквальном смысле слова лежит посередине: российская ментальность – промежуточная между "западной" и "восточной". Согласно последним данным, Россия чуть ближе к Западу, а потому она все же чуть больше Евразия, чем "Азиопа".[28 с.54; 29 2001]

Таким образом, можно считать фактом развития социальной науки последних лет постепенное укрепление творческого направления, в основе которого лежит идея полилинейного развития цивилизаций, включая евразийскую. Представляется, что теория евразийства (Н.Савицкий, Н.Трубецкой, Л.Гумилев и др.) может стать важным системным элементом анализа процессов развития современной России и ее восточных соседей. [30; 6 и др.]

В России доминирующую позицию занимала и занимает в кругах социальных исследователей и преобладающей части властвующих групп концепция принадлежности страны к европейским народам. Обычно авторы подчеркивают, что Россия страна европейской культуры и ориентирована на работу европейских институтов. Эту же позицию занимают и лица, формирующие внутреннюю и внешнюю политику России. Европеизм остается ведущим идеологическим течением в стране. [31]

Таким образом, при проведении экономической и социальной политики в 1990-х и отчасти в первом десятилетии 2000-х годов правящие круги России искали по преимуществу модели /образцы для развития постсоветской России на Западе. Хотя нельзя не отметить, что в среде консервативных деятелей правящих кругов

в последние годы все чаще звучали голоса в пользу возврата к почвенническим основам "соборной России" и проведению обновленной линии на реализацию известной триады графа С.С.Уварова: "Православие. Самодержавие. Народность".

Однако наш сосед на юго-востоке – Казахстан достиг национальной солидарности и социальных, и этнических частей своей страны, положив в основу государственной идеологии и реальной политики признание своей принадлежности к евразийской цивилизации. Символом этой политики стало присвоение вновь созданному в новой столице Казахстана университету имени выдающегося русского ученого евразийца Л.Н.Гумилева. Рассматривая последствия принадлежности своей Родины к евразийской цивилизации, казахстанские ученые отмечают превалирование в общенациональном масштабе культуры подчинения и коллективистских ценностей. Социализация личности по-прежнему основана на механизме подчинения патерналистским, этатистским корням традиционной культуры. На поведение личности оказывает большое влияние традиционная культура, поддерживающая такие подсистемы как жуз, род, клан, местность. В населении сохраняется неверие в закон как эффективное средство борьбы за соблюдение прав и интересов личности, но уже не отождествляются интересы государства и общества. Этатизм как часть культуры населения страны выражается в ожидании помощи от сильного государства. Однако, личность постепенно начинает сознавать свои собственные интересы. Опросы населения демонстрируют его нежелание рассматривать западно-либеральный путь развития как национальную идею. Участию стать азиатской окраиной Запада задевает национальную гордость. [32, с.42-47]

Что касается стран, относимых нами условно к "полупериферии" так называемого "реального социализма", то их положение при всей неопределенности, скорее всего, связано с постепенным вхождением (возвращением?) в европейский цивилизационный и экономический ареал. В подтверждение приведу интересные соображения видных социологов из самой крупной страны – представительницы этой самой полупериферии – Украины. Е.И.Головаха и Н.В.Панина в связи с анализом постсоветской аномии отмечают существенные черты различий между Украиной и Россией. Они подчеркивают, что преодолевать нормативный хаос можно разными путями. "Опыт формирования демократических норм общественной жизни в Афинах и "железного порядка" тоталитарной Спарги и сегодня не утратил актуальности для государств, пытающихся преодолеть состояние аномии, порожденное разрушением ценностно-нормативной системы. По крайней мере для некоторых постсоветских государств, первоначально декларировавших демократический путь выхода из аномического состояния, а затем не избежавших соблазна решения многочисленных социальных проблем переходного периода "по-спартански", этот опыт имеет первостепенное значение".[33, с.5]

Основываясь на этой исторической посылке, авторы переходят к прямому сопоставлению России и Украины. У России - специфическое положение в евроазиатском физическом, политическом и духовном пространстве, в пограничье между Европой и Азией. "Отсюда проистекает и евразийская идеология, вполне отвечающая духу традиционализма и мирно уживающаяся с исконным российским почвенничеством. В последние годы она верой и правдой служит делу укрепления государственности и установления нового социального порядка". Применительно к России авторы отмечают наличие традиции самодержавия. У Украины - специфическое положение между "Европой" и "Евразией", "а потому ее выход из аномического состояния имеет преимущественно "европейскую направленность". Применительно к Украине авторы отмечают исторически сформированный феномен оппозиционности любой власти.

"В силу указанных выше факторов Россия и Украина избрали различные пути преодоления постсоветской аномии". В России – "на основе умеренной автократии, сакрализации власти, великодержавной идеологии, ориентированной на евразийство" и ориентации на возрождение "Великой России". Украинский путь ориентирован на государственно-национальное самоутверждение, включая противоречивые составляющие: "Идеологию "европейскости", готовность противостоять автократии в сочетании с традиционализмом, изоляционизмом и верой в сакральную роль очередного оппозиционного политического харизматика".[33, с.10]

У меня лично несколько иное объяснение произошедшего в России. Но родственное. Я обращаю первостепенное внимание в контексте path dependency theory на историю отношений собственности, соотношение рынка и отношений раздатка, отсутствие гражданского общества и доминирование отношений подданства, конфессиональный фактор. Эти же вопросы имеет смысл рассмотреть и применительно к Украине.

Каким образом все выше сказанное отразилось или может отразиться на развитии социологии как науке? Очевиден вывод: если цивилизационное разнообразие человечества приводит к качественным различиям в экономическом, социальном и ценностно-нормативном развитии народов, если несомненно несинонимичность вестернизации и модернизации, то отсюда следует неизбежность формирования национальных и региональных социологий с существенно расходящимися теоретическими основаниями. Полагаю, что в этом отношении весьма характерна та дискуссия "On Public Sociology", которая состоялась на страницах журнала "Current Sociology"

[2008. Vol.56. №1. May] Она была инициирована Michael Burawoy, с участием Alberto Martinelli, Michel Wieviorka, Adam Habib и других коллег.[34; 35; 36; 37, 38]

Используя материалы трех повторных представительных опросов, проведенных в постсоветский период, нам удалось показать, что социально-экономическое устройство современного российского общества, и весь присущий ему строй социально-групповых отношений носят специфический этакратический характер. Его первооснову образуют слитные отношения "власть-собственность", завуалированные частнособственнической оболочкой. Принципиальным отличием от европейских обществ является доминирование сословно-слоевых членений над собственно классовыми и социально-профессиональными, присущими развитым капиталистическим обществам. Эмпирическое подтверждение этой гипотезе нам удалось получить, решая задачу поиска реальных социальных групп, характеризующихся максимальной однородностью социально-экономического положения, а также параметрами обладания властными, человеческими, культурными и социальными ресурсами. [23]

Среди европейских исследователей и аналитиков по-прежнему бытует мнение, что социально-экономический порядок современной России принципиально не отличается от устройства большинства развитых европейских стран. Хотя этому концептуальному подходу явно противоречат многочисленные факты и события последних лет. Для многих западных ученых Россия представляет, как правило, один из типов капитализма. Так, для такого известного аналитика России как профессор Д.Лэйн эта страна в 1990-е годы проходила путь от государственного социализма к кооперативному капитализму, координируемому государством. Он при этом исходил из посылки, что ранним посткоммунистическим правящим элитам грезился переход к обществу западного типа с его богатством, наличием рынков, частной собственности, демократии и гражданского общества. Капиталистические общества Западной Европы и, особенно, США не только стали работающими моделями того, во что стремилась превратить Россию ее правящая верхушка. Российскую экономику того времени автор характеризовал как извращенное хаотическое социальное образование.[39]

Профессор М.Кастельс с середины 1980-х гг. и до конца 1990-х изучал Россию, проведя в ней немало времени и осуществив целый комплекс исследований. Вот некоторые итоги его анализа. "Мы все еще думаем в терминах дихотомии между капитализмом и социализмом, либерализмом и советизмом, Западом и Востоком, предпринимателями и бюрократами, свободой и коммунизмом, централизмом и локальностью. Наш прежний образ мыслей просто неприменим к России, да и к миру в целом. Но в России аналитический вызов даже более ошутим, поскольку в конце столетия она комбинирует различные направления перемен, полностью погружаясь в новую глобальную реальность"[40, с.48-49].

Тем не менее, наиболее употребляемой аттестацией современного российского капитализма у М.Кастельса является весьма нелестный для конца XX века термин "дикий". К этому можно добавить дополняющие эту характеристику следующие два комментария: "Ирония ситуации заключается в том, что олигархическая властная система в России крайне напоминает традиционную карикатуру на государственно-монополистический капитализм, приписываемый коммунистической мифологией западному миру"; пореформенная Россия переживает "трудный бесконечный переход от сюрреалистического социализма к нереальному капитализму". [40, с.37,46].

Примерно в те же годы профессор М.Буровой на основе своих наблюдений и исследований поставил под сомнение тезис о том, что переходные процессы, которые переживала Россия, означали переход к капитализму. Он охарактеризовал траекторию развития российской экономики как "инволюцию", напоминающую веберовский "грабительский капитализм", где банки и торговые монополии получают прибыли, но ничего не инвестируют в производство. Производство же в России, согласно Буровой, осуществлялось по-прежнему по советской схеме [41, р. 269-290]

Ян Драхокупил попытался проинтегрировать взгляды ученых, преимущественно из европейских стран, на характер социально-экономических отношений в посткоммунистических странах. [42] Для решения задачи им были взяты три, пожалуй, лучших коллективных книги, написанные высокопрофессиональными авторами и изданные в престижных издательствах. Каков же итог? Он обнаружил ту же картину, ту же мозаику взглядов, что и за десятилетие до наших дней. Другими словами, все обсуждения по большей части сводятся к уточнению типа капитализма в той или иной из посткоммунистических стран, по крайней мере, Европы ("либеральный зависимый капитализм", патримониальный капитализм", "гибридный государственно-рыночный капитализм", "олигархический капитализм", "веберовский политический капитализм" и т.д.).

Общим местом является наличие в этих странах (от Польши и Чехии до России) регулируемой рыночной экономики (controlled market economy). Однако никто из авторов специально не оговаривает, почему в отличие от исконно западных стран (Балтия, страны центральной Европы) Россия и ее преимущественно "православные"

постсоциалистические соседи целиком не вписываются ни в одну из приведенных классификаций, оставляя массу вопросов. Так, например, сам Драхокупил вообще при обсуждении указанных стран осторожно обходит этот вопрос стороной. Рассуждая о типах капитализма, которые четко обозначились в современной Европе (основной раздел по линии старая Европа – новая Европа), он лишь вскользь упоминает об "особости" России, присваивая ей ярлык СМЕ (controlled market economy).

Однако если подобный подход и применим к Европе ("общее и особенное"), то в этот ряд едва ли вписываются нации-государства, принадлежащие к евразийской цивилизации. В связи с этим мы предполагаем в дальнейшем продолжить развитие идеи о русском народе как представителе евразийской цивилизации, образующем ее западный ареал, пограничный с европейской цивилизацией. Отметим попутно, что западная граница СССР кануна второй мировой войны может считаться подлинной границей евразийской цивилизации. Поэтому во всех сторонах жизни России на протяжении веков, как и в других пограничных культурах, были значимо представлены элементы соседствующей европейской цивилизации. Особенно это относится к периоду существования Российской империи от Петра I-го до революции 1917 года, когда в стране активно присутствовал чисто европейский компонент (Польша, Финляндия, Прибалтика), а сама российская государственность органично входила в "концерт" европейских держав.

Для нас Россия – лишь западная пограничная часть евразийского субстрата, который вместе с собственно европейским образует по сути "две Европы", т.е. две макрочивилизации, на географической территории Европы.

Литература:

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. М.: Алгоритм, 2003.
2. Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. 2-е изд. М.: НОФМО, 2008.
3. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т.1. Гештальт и действительность. М.: "Мысль", 1993.
4. Тойнби А.Дж. Постижение истории. Сборник. Перевод с английского. М.: Издательство "Прогресс", 1991.
5. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. Сборник. Перевод с английского. М.: Издательская группа "Прогресс"- "Культура"; СПб.: "Ювента", 1995.
6. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М.: Экопрос, 1993.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. (Пер. с английского). М.: Изд-во АСТ, 2003.
8. Колодко Гж. Мир в движении. Перевод с польского. М.: Магистр, 2009.
9. Шкаратан О.И. Российский порядок: вектор перемен. М.: Вита пресс, 2004.
10. Васильев Л.С. История Востока. Т.1. (Вводная часть. Сущность проблематики). М.: Высшая школа, 1994.
11. Семенов Ю.И. Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. М.: "СОВРЕМЕННЫЕ ТЕТРАДИ", 2003.
12. Mouzelis N. Modernity: A nonEuropean Conceptualization//British Journal of Sociology. 1999. Vol. 50..№1.
13. Масловский М.В. Современные теории модерна и модернизации//Социологический журнал. 2008. №2.
14. Wittrok V. Modernity: One, None or Many? European Origins and Modernity as a Global Condition//Daedalus. Vol. 129. №1. (Winter, 2000).
15. Ильин В.И. Политическое переустройство постсоциалистических стран / В кн.: Шкаратан О.И., Ильин В.И. Социальная стратификация России и Восточной Европы. Сравнительный анализ. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006.
16. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
17. Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская власть, русская система, русская история / Красные холмы. Альманах. М.: Издательский дом "Городская собственность", 1999.
18. Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. "Русская система как попытка понимания русской истории // ПОЛИС. 2001. № 4.
19. Пименов А.В. Дряхлый Восток и светлое будущее // Мир России. 1999, №1-2.
20. Ключевский В.О. История сословий в России. 3-е изд. Петроград: Лит.-изд. отдел Комиссариата народного просвещения, 1918.
21. Медушевский А.Н. Аграрные реформы в России: проекты и реализация//Мир России. 2007. №1.
22. Castells M.(1) The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol.I. The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell Publishers, 1997.
23. Шкаратан О.И. и коллектив. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ОЛМА медиа групп, 2009.

Розділ 1. Теоретико-методологічні проблеми соціології

24. Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России. Эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН, 2006.
25. Пастухов В.Б. Затерянный мир. Русское общество и государство в межкультурном пространстве // *Общественные науки и современность*. 2006. №2.
26. Кордонский С. Сословная структура постсоветской России. М.: Институт фонда "Общественное мнение", 2008.
27. Marshall T.P. *Russian Moment in World History*. Princeton N.J.: Princeton University Press, 2003.
28. Латов Ю.В., Латова Н.В.. Открытия и парадоксы этнометрического анализа российской хозяйственной культуры по методике Г.Ховстеда//*Мир России*. 2007. №4.
29. Латов Ю.В., Латова Н.В.. Российская экономическая ментальность на мировом фоне//*Общественные науки и современность*. 2001. №4.
30. Русский узел евразийства: Восток в русской мысли. Сб. трудов евразийцев. М.: Беловодье, 1997.
31. Смирнов М. О философии европеизма//*Свободная мысль*. 2008. №10.
32. Абдикерова Г.О. Евразийская ментальность как основа создания интегральной модели социализации личности//*СОЦИС*. 2009. №9.
33. Головаха Е.И., Панина Н.В. Постсоветская аномия: особенности выхода из состояния аномической деморализованности в России и на Украине// *ОНС*. 2008. №6.
34. Burawoy M. What is to be Done? Theses on the Degradation of Social Existence in a Globalizing World // *Current Sociology*. 2008. Vol.56. №1. May (1).
35. Burawoy M. Rejoinder: For a Subaltern Global Sociology?// *Current Sociology*. 2008. Vol.56. №1. May (2).
36. Martinelli A. Sociology in Political Practice and Public Discourse// *Current Sociology*. 2008. Vol.56. №1. May.
37. Wieviorka M. Some Considerations after Reading Michael Burawoy's article: 'What is to be Done? Theses on the Degradation of Social Existence in a Globalizing World' // *Current Sociology*. 2008. Vol.56. №1. May.
38. Habib A. Speaking 'truth' to All Forms of Power: Reflections on the Role of the Public Sociologist in South Africa// *Current Sociology*. 2008. Vol.56. №1. May.
39. Лэйн Д. Преобразование государственного капитализма в России: от "хаотической" экономики к кооперативному капитализму, координируемому государством?// *Мир России*. 2000. №1.
40. Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество// *Мир России*. 2000. №1.
41. Burawoy M. Transition Without Transformation: Russia's Involutionary Road to Capitalism// *East European Politics and Societies*/ 2001. Vol. 15. № 2
42. Drahekoupil J. After transition: Varieties of political-economic development in Eastern Europe and the former Soviet Union [Review article]// *Comparative European Politics*. 2009. № 7(2).

© О. И. Шкаратан, 2009